

1

Жизель

.....

Вторник, 4 августа

Этот вечер — мой смертный приговор. Вот-вот палач за шкурку снимет меня с табурета у барной стойки и потащит прямиком на гильотину. Меня так все достало, что я даже не стану сопротивляться. *Только давай без возни и без боли,* — сказала бы я ему. — *И еще дай глотнуть из твоей фляжки, хочу отключиться.*

Моего уважаемого ухажера зовут Чарли, но он настоял, чтобы я называла его Родео. Он коротышка, всего-то пять футов четыре дюйма, если считать вместе с ковбойской шляпой. Ремень у него туго затянут, но он все равно то и дело подтягивает джинсы, особенно на зад, отчего взбрыкивает и без того вставший на дыбы конь на пряжке ремня. Он уже успел ослепить меня этой своей пряжкой, поймавшей луч стробоскопа. Не имею ничего против мужчин, силящихся казаться выше ростом, как и против прикида в стиле кантри. Меня не устраивает другое — этот проныра пожирает глазами всех до одной девушек в «Рейзор».

Очередной гвоздь в мой гроб, и сколько их еще будет, пока не кончится этот ужасный день? Началось

все с неприятности, которая случилась с моей машиной с утра пораньше, а продолжилось приговором от моего противного консультанта: оказывается, он не рекомендует мне учиться за границей. Густое, свинцовое разочарование тянет меня к полу. Я уже забыла про разбитое окно машины и про попытку угонщика-неудачника завести ее без ключа, потому что жила надеждой на учебу в Швейцарии. Моей заветной мечтой было поступить на стажировку в ЦЕРН¹.

Но эта надежда начать с чистого листа, к сожалению, умерла.

Прощайте, ускорители элементарных частиц. Здравствуй, опустошение.

Боль от разочарования так сильна, что я не могу оторвать ладонь от груди.

В бедах последних нескольких дней я виню проклятие дня рождения. Перед моим днем рождения всегда происходят разные гадости. Через пять дней мне стукнет двадцать четыре, и судьба, похоже, по традиции решила начать издеваться надо мной.

— Нравится? — цедит Родео с ленивым южным акцентом, гордо демонстрируя мне свои щегольские оливково-зеленые ковбойские сапоги. — Аллигатор! Летал за ними в Майами. Сделано на заказ, ручная работа. Удобно, как в шлепанцах, а до чего модно!

— Очень мило!

Он красавчик, этого у него не отнимешь. Лицо. Зубы. Волосы. Руки. Но меня настораживает коварство, а то и подлость в его темных глазах.

Совсем скоро я соберусь с мыслями, снова обрету здравомыслие, унаследованное от матери, и положу

¹ ЦЕРН — Европейская организация по ядерным исследованиям.

конец этому свиданию, но пока у меня другая задача — допить виски.

— Материал для сапог — кожа молодых аллигаторов, у них мягкие животики, это облегчает дубление. Их разводят на ферме, а потом убивают — на сапоги. Завораживающий процесс! Если честно, я много бы отдал, чтобы увидеть все это собственными глазами. Как думаешь, их сперва усыпляют или просто убивают ударом по башке?

Проходит секунда. А может, минута. Я делаю вдох.

— Лучше этого не знать.

— Ты слишком мягкосердечная, милашка! — Отмахнувшись от этой мысли, он поднимает одну ногу высоко над полом. У меня возникает соблазн вразумить его добрым пинком.

— Не стесняйся, пощупай! Когда еще выпадет шанс оценить настоящее качество?

Качество? Тут главное в другом. Сегодня я очень низко пала. На меня клюнул тип, мечтающий полюбоваться на убийство маленьких аллигаторов.

— Лучше не надо, — холодно отвечаю я, но он ничего не замечает.

— На ощупь — чистый шелк! — Мой спутник выразительно смотрит на мои ноги, придвигается ближе, привычным жестом подтягивает ремень.

Рядом с ним возникает какая-то девица. Она заказывает выпивку, я нарочито фыркаю, глядя, как он оглядывает ее с головы до ног.

Все понятно: он твердо вознамерился кого-нибудь трахнуть.

Я обратила на него внимание в приложении только потому, что рядом оказалось фото, вызвавшее у меня ностальгическое чувство, — страус эму. Рост этих царственных пернатых во взрослом состоянии

достигает шести футов десяти дюймов. Отец держал на нашей ферме пару эму, самца и самку; рядом закрылся сафари-парк, и птицы бродили по территории, предоставленные сами себе. Я их кормила, гладила, подолгу ими любовалась, восхищалась скоростью их бега (до тридцати миль в час), мне нравилось, как они меня рассматривают. Наверное, не только они казались мне странными, но и я им: высокая тощая девчонка, на носу огромные очки, на зубах скобы, рядом ни подруг, ни друзей. Папа, быстро заметивший, что меня к ним тянет, огородил для них вольер площадью в два акра с прудиком. До чего здорово было смотреть, как они плещутся! Я не перестаю горевать по ним — и по папе.

Оглядываясь назад, я понимаю, что, делая фото для своего аккаунта, Родео взгромоздился, должно быть, на ящик или на лестницу. Поднося к губам стакан, я прищуриваюсь, пытаюсь представить наш с ним секс. Во мне пять футов девять дюймов — ну, и что из этого вышло бы? Я — поборница зрительного контакта; если бы мы занялись любовью в миссионерской позе, то его голова расположилась бы примерно между моим животом и грудью. Бедняге пришлось бы выгибать шею, чтобы смотреть мне в глаза. Возьму и куплю кукол Кена и Барби, отрублю Кену ноги в правильном месте и проверю, что получится. Жаль куклу, конечно, но наука порой требует жертв. Когда ты в замешательстве, полезно провести эксперимент. Терпеть не могу неподготовленность. Причина моего любопытства — вовсе не план заняться сексом с Родео — вот уж нет! Просто я обожаю нестандартные пути бегства.

— Часто навещаешься в «Рейзор», сладкая? — интересуется Родео, делая попытку возобновить беседу,

раз другая девица, привлекая его внимание, удалась. Его темные глаза смотрят в мои поверх запотевшей пивной кружки. Хорошо хоть, что он уже не пожирает взглядом мою грудь: этой забавы я его лишила, застегнув до самого горла свой синий блейзер. По моей спине струится пот. Для августа у нас на Юге 100 градусов по Фаренгейту — обычная температура, но, если я поспешу выбраться из этого клуба, меня ждет обморок.

— Нет, никогда раньше здесь не бывала. Я редко куда-то выбираюсь. Я — студентка выпускного курса, а еще преподаю...

Он кивает и перебивает меня:

— Отсюда рукой подать до моей берлоги, потому я и выбрал этот куб, — он делает паузу. — Знакомство онлайн — непростое дело.

По этой реплике можно предположить, что он не такой болван, каким кажется, поэтому я облегченно перевожу дух. Вдруг он наврал про свое желание полюбоваться смертью молодых аллигаторов?

Я делаю чуть более заинтересованный вид и задаю вопрос номер один — мама всегда задает его после моего очередного свидания:

— Ты работаешь?

Теребя золотую пряжку своего ремня, он цокает языком.

— Не в офисе, в отличие от большинства. Я три года подряд остаюсь чемпионом соревнования «Скачи, пока не помрешь». В прошлом году я заработал этой забавой целый миллион баксов. У тебя есть знакомые среди тех, кто занимается родео?

— Люблю лошадок, — выдавливаю я, отчаянно ища хоть что-нибудь общее между нами. — Я выросла неподалеку от Нэшвилла, в городке под названием Дейзи...

— Кнуты, седла, шпоры, уздечки — у меня дома полно этого добра, если ты от всего этого тащишься, — произносит он, одним махом переходя от вежливости к неприличному намеку. Я уже ерзаю на табурете. В его цоканье языком есть что-то похабное. — Вижу, ты сейчас напряжена, сладкая, но в тихом омуте черти водятся.

«Напряжена!» Тут он попал в точку. Престон, мой бывший жених, согласился бы с ним.

Он гнет свое, уводя меня с темной тропинки, на которую меня увлекли было непрошенные мысли:

— Знаю, о чем ты думаешь. Да, ростом я не вышел. У девушек это обычно первая мысль. Но ты не торопись, содержимое моих штанов — вот что настоящий дар свыше. Никто еще не жаловался, стоило мне только начать. Я давно объезжаю кобылок, и они всегда возвращаются ко мне за добавкой. — Он опускает веки и с любовью смотрит на свою промежность, как будто призывая упомянутое содержимое штанов к диалогу.

Чего и следовало ожидать.

Инстинкт меня не обманул. Смертный приговор. Пора делать ноги.

Я отворачиваюсь от него и вижу в зеркале над стойкой, как мое лицо заливает краска. На голове у меня позорный хаос, светлые локоны, первоначально приглаженные, зажили собственной жизнью, ко лбу прилипли реденькие пряди. Розовая помада утратила блеск, под глазами пятна туши — на то и жара.

Я поправляю на носу очки в черной оправе и утираю пот со лба. Угораздило же меня напаялить в разгар самого жаркого за все годы наблюдений лета дурацкий блейзер! Пальцы тянутся к верхней пуговице, надо расстегнуть хотя бы ее.

Видя, что я расстегиваю пиджак, Родео сверкает глазами. Он придвигается почти вплотную ко мне, его клетчатая рубашка касается моей груди, я вижу волоски у него в ноздрах. Меня обдает его терпким мужским запахом с примесью конского пота.

Мне приходится откинуться назад и так при этом выгнуться, что мои плечи упираются в спину сидящего на соседнем табурете. Не оглядываясь, я бормочу извинение и выпрямляю спину.

Указывая на мой пустой стакан, Родео произносит тихо и хрипло:

— Хочешь еще? Ты выдула уже весь виски.

Я упираюсь одной ногой в стойку и отъезжаю от него вместе с табуретом. Смотрю в свой телефон, картинно хмурюсь.

— Вообще-то уже поздно, мне пора...

— Эй, милашка! Моей кобылке пора повторить! — И он машет шляпой, чтобы привлечь внимание барменши.

Девушка торопится на зов. На ее бейджике написано «Селена». Я уже завидую уверенному колебанию ее бедер, обтянутых узкими джинсами, губам со свежей багровой помадой. Она — коротко стриженная брюнетка с подведенными черным карандашом глазами. Мы с ней — день и ночь; я стыжусь своей размазанной туши, узкой юбки цвета бурой грязи, туфель на низких каблуках.

Селена сосредоточивается на мне, игнорируя Родео.

— Вы уверены, что хотите еще выпить? — спрашивает она сухо. «Почему ты с ним?» — так я понижаю ее вопрос.

В ответ я тяжело вздыхаю. Мне всего-то и надо, что избавиться от него и побаловать себя хорошим бурбоном.

Я чуть заметно киваю, следя за Родео.

— Вам повторить? «Вудфорд» со льдом?

— Пожалуйста!

Селена отворачивается и тянется к верхней полке под восторженный свист Родео, по достоинству оценившего ее роскошную фигуру.

Она поворачивается к нам, наливает стакан и поддвигает его мне с каменным выражением лица. Реакция Родео наверняка не осталась незамеченной, но она и бровью не повела. Я тоже хочу быть такой. Вот найду себе правильного мужчину — и буду.

— Спасибо, — говорю я и делаю глоток. Родео смотрит на меня, изображая глазами костер страсти, потом тянется к моему ожерелью и принимается его теревить.

— Между нами явно возникла связь. Ты — горячая штучка, я тоже завелся. Вон как искрит! Я уже представляю, как ты на мне скачешь. Слыхала про «перевернутую ковбойшу»?

Я сбрасываю его лапы со своего жемчуга и отпихиваю его от себя. Во мне поднимается волна гнева, которая сносит на своем пути прежнюю вежливость. Убедившись, что он уже на безопасном расстоянии, я делаю еще один глоток и со стуком ставлю стакан на стойку. Потом роюсь в своей сумке с компьютером, нахожу кошелек, достаю оттуда две-три двадчатки и прижимаю их стаканом.

— Уже сбегает, детка? — плаксиво спрашивает он.

Я поворачиваюсь, скрежешу зубами.

— Да. И да, я знаю, что такое «перевернутая ковбойша», — я не могу не ответить на вопрос, уж такая уродилась. Если меня спрашивают, я обязана сказать правду. — А насчет электричества, то заряд на нуле. Мои протоны равнодушны к твоим электронам.

— Что еще за протоны?

— И вообще, непростительная грубость с твоей стороны — предлагать переспать на первой же встрече...

— Проклятие, ну и темперамент! Признаться, больше всего я люблю секс после ссоры. Как насчет того, чтобы свалить отсюда вдвоем?

— Даже не мечтай!

— Я бы даже предложил остаться на ночь, а ты бы испекла утром блинчиков, посыпав их шоколадом или голубикой из магазина «Все с фермы». Хотя нет, такие, как ты, предпочитают хлопья...

Насчет голубики он угадал, но...

— Мы встретились, просто чтобы опрокинуть по стаканчику, я предупреждала об этом в своем сообщении. И очень тебя прошу, ради всего святого, прекрати называть меня «сладкая» и «кобылка», иначе, клянусь, я вылью тебе на голову то, что осталось у меня в стакане.

У меня вздымается грудь, мне трудно дышать. Я дошла до угрозы физического насилия. Обычно мне это не свойственно. Я никогда не бешусь, наоборот, раз за разом позволяю людям обращаться со мной с пренебрежением...

Он удивленно наблюдает, как я встаю, пошатываясь и наваливаясь на мужчину слева.

— Извините... — бормочу я и, в отчаянии опираясь о стойку, опасно кошусь на свой стакан. На самом деле я выпила еще до прихода Родео, а если учесть, что я не ужинала, то не стоит удивляться, что у меня плывет перед глазами.

— Жизель? — звучит низкий голос — темный, знойный, узнаваемый даже при громкой музыке.

Быть не может!

Мое сердце трепещет, всю меня обдает жаром. Забыв про Родео, я смотрю на высокого мужчину, сто-

ящего в нескольких футах от нас, на краю танцпола, с вопросительным выражением на точеном красивом лице.

Я сжимаю кулаки. Можно было предвидеть, что без него не обойдется. Но я решила, что для него еще рано, что он посвятит вечер тому, чем обычно занимаются профессиональные спортсмены. Елена, моя сестра, обмолвилась, что обычно он навещается в этот клуб на выходных, но не слишком настаивала на нашей встрече.

Девон Уолш. Суперзвезда американского футбола смотрит на меня, приподняв черную бровь с пирсингом. Я мысленно суммирую все, что о нем знаю. Выбран «Самым сексуальным мужчиной года в Нэшвилле». Три года подряд признавался лучшим профессиональным спортсменом. Владелец клуба «Рейзор». Порочно красивые губы. Рельефное тело в татуировках. Горяч, как раскаленная кочерга.

— Все в порядке? — спрашивает он. Его взгляд ползет по мне, начав со всклокоченной головы и закончив на туфлях. Я шурюсь. Такое ощущение, что он пошарил лучом прожектора по каждому дюйму моего тела.

— Лучше не придумашь! — Я приветственно машу ему рукой. — Рада тебя видеть!

Лучше уйди. Мне не нужны свидетели моего фиаско.

— То-то я гляжу... — Теперь его пронизательный взгляд устремлен на Родео, бровь опять ползет вверх — как меня это бесит! — У тебя свидание?

Все мое естество возмущено этим допросом, этим подтрунивающим тоном. Я вся деревенею.

Он решил, что я здесь *вместе* с Родео. Вернее, встреча произошла здесь, но...

— Так и есть, — отвечает за меня Родео и в подтверждение своих слов пытается обнять меня за талию. Я гневно выскальзываю из его объятий.

На лице Девона появляется недоумение, он засовывает руки в карманы низко сидящих джинсов. Наверное, он видит, что меня вот-вот хватит тепловой удар, или подозревает меня в готовности прикончить одного из посетителей его заведения.

Мои внутренности вот-вот превратятся в желе. Виски ни при чем, виноват, скорее, Девон, хотя мой интерес к нему ближе к любопытству. Пусть он и горячее газовой горелки, наша с ним дружба на настоящую *дружбу* не тянет... Мысли у меня путаются, мозг сбоят: в этом моторе работают не все цилиндры. Мы просто *знакомые*, если нужно точное определение. Когда он на меня смотрит, я сознаю, что твердо принадлежу к категории «сестра Елены, жены моего лучшего друга, поэтому я обращаюсь с ней дружелюбно».

Это не мешает мне отдавать должное его точному профилю и темно-зеленым глазам в обрамлении густых черных ресниц. В нем все шесть футов три дюйма роста, и все это великолепие до совершенства натренировано усердными занятиями в спортзале, черная футболка обтягивает рельефные мышцы, грудь колесом, талия узкая, ноги длинные, последний штрих на картине — выцветшие кроссовки. На одном запястье у него «Ролекс», на другом черный кожаный браслет. Наполовину он цивилизованный человек, наполовину сорванец с уклоном в упадничество.

Его кожу покрывает приятный загар от долгого пребывания на солнце, резко контрастирующий с моей молочной бледностью. Он темный шатен, но

некоторые локоны его густой шевелюры окрашены в синий цвет, длинные передние пряди зачесаны назад, но по бокам череп почти наголо выбрит. Он употребляет больше средств для ухода за волосами, чем я. При нашем знакомстве в феврале его голова была залита гелем, пряди имели фиолетовые кончики; прическу он меняет чаще, чем любая девушка в моем окружении.

В мочках ушей он носит бриллиантовые сережки, и это еще одно наше с ним различие. В восемнадцать лет я позволила дыркам в моих мочках зарасти и с тех пор ни разу ничего в них не вставляла. Его руки сверху донизу покрыты татуировками — розами и порхающими бабочками голубой и золотистой масти. Мне нравится, даже очень. Я взволнованно терплю жемчуг у себя на шее.

— Жизель? — звучит оклик.

Мне стыдно оттого, что я так на него таращусь. Я виновато ищу относительно умный ответ. *Что с тобой, Жизель, ты же пишешь диссертацию по физике! У тебя внушительный арсенал слов. Скорее скажи ему, что Родео — не твой вариант.*

Но в голову лезут только воспоминания о нашей последней встрече. Дело было в субботу, на свадьбе Елены и Джека, где он был распорядителем, а я — подружкой невесты. Серый костюм сидел на нем так, что трудно было не пускать слюни; ткань этого костюма была до того мягкой, что, взяв его под руку, я до крови прикусила губу. Его пальцы касались моих дольше, чем требовалось, или мне только показалось? Он, скорее всего, вообще ничего не заметил: просто со всей добросовестностью выполнял свои обязанности на свадьбе. Но во мне его взгляд прожег дыру. Это был неотразимый взгляд, длившийся це-

лых десять секунд. Одно из двух: или у меня на носу вскочил огромный прыщ, или ему всерьез понравилось то, что он увидел. Пока мы шествовали по проходу к Джеку и Елене, я спросила — робким шепотом, ну и что с того? — хорошо ли он себя чувствует. Последовал скупой и резковатый ответ, что он в порядке, — странно, ведь Девон совершенно не сварлив.

Позже, сидя одна в своей квартире, я все разложила по секундам и пришла к заключению, что его пристальный взгляд объяснялся моим позорным линиялым видом в Еленином платье без бретелек. Я предупреждала сестру, что моей груди не хватает объема, чтобы это платье сидело прилично, но переубедить не смогла.

Правда, стоя в церкви рядом с сестрой, произносившей положенные слова у алтаря, я не могла не думать о Девоне. Влечет ли его ко мне? *Ко мне?* В такое невозможно было поверить.

Ясность наступила в тот момент, когда появилась супермодель — та, с которой у него была назначена встреча. На меня он больше не смотрел.

— О Господи! Вы же... вы же... *Девон Уолш?* Я ваш преданный болельщик еще со времен ваших игр за Огайо! У меня на стене до сих пор висит ваша футболка...

Таково содержание визгливой тирады Родео, бросившегося к звезде американского футбола.

На бегу он задевает меня плечом, моя рука соскальзывает со стойки, мне грозит падение, и я опять ударяюсь о соседа, сидящего на табурете рядом. Он оглядывается, бормочет что-то вроде «кажется, я вас знаю», горлышко его пивной бутылки проезжает по моей щеке.

Имза Мэдден-Миллз

— Боже! Вы в порядке? — Сосед пытается меня поддержать, но поздно.

— В полном порядке! — отзываюсь я, размахивая руками в отчаянной попытке сохранить равновесие на скользкой плитке. Время замирает. В конце концов мое тело подчиняется закону тяготения — слава тебе, Ньютон! Я падаю вперед, колени звучно ударяются о пол.

И, главное, происходит это перед глазами самого сексуального жителя Нэшвилла!

Что это, если не проклятие дня рождения?

Жизель

.....

— *Мы* как? — интересуется Девон, прикладывая к моей правой щеке пакетик со льдом. Жмурясь от холода, я подношу к лицу руку, наши пальцы на мгновение соприкасаются, он убирает руку, позволяя мне самой прижимать к щеке лед. В животе у меня порхают бабочки — так действует нервный импульс от его прикосновения. Я глотаю слюну с надеждой продлить это чувство. Что поделать, если он такой сногшибательный парень! Он не считает меня привлекательной — ну и ладно.

— Порядок! — отвечаю я с деланой жизнерадостью. Если честно, голова болит, но я не уверена, что это от падения, — возможно, дело в голоде.

Я сижу за столиком в VIP-зоне клуба «Рейзор» — на огороженной территории в глубине помещения. Посетителей здесь почти нет, не считая горстки болельщиков около телевизора в углу. Надо понимать, что наплыв людей начинается здесь гораздо позже. К счастью, гремющая в клубе музыка здесь почти не слышна.

Девон возвышается надо мной. Чтобы заглянуть мне в глаза с целью проверить, не мутный ли у меня взгляд, ему приходится сесть на корточки. Я не могу не реагировать на исходящий от него пьянящий мужской запах дорогого одеколона, в котором угадывается летний морской бриз.

— Лихо ты грохнулась! Ладони и колени целы?

В такой близости золотые вкрапления в его глазах мерцают, как искры, на фоне бархатной лесной зелени радужки. Какой сексапильный, притягивающий, бездонный взгляд...

Хватит нанизывать эпитеты, Жизель!

— Ударилась, конечно, а так ничего.

— Завтра может появится пара синяков. Принести еще льда?

— Нет, спасибо, — я бы предпочла забыть о случившемся. Неприятное ощущение — барахтаться в смущении.

Он на долю секунды дотрагивается до моего колена.

— Когда ты на меня рухнула, я отпрянул, инстинктивно готовясь к подножке, — бормочет он.

— Меня качало между тобой и соседом по стойке. Куда еще мне было деваться?

Я представляю себя на четвереньках, упершейся в пол ладонями, чтобы не удариться об него лицом. Девон поднял меня, аккуратно держа за локти, потом приказал Эйдену, своему товарищу по команде — это и был мой сосед по стойке — принести из кухни лед. Не обращая внимания на танцующих, он отвел меня в VIP-зону. Я бы не удивилась, если бы он отнес меня туда на руках — зря, что ли, любовные романы переполнены такими красивыми сценами?

— Вон ты какой здоровяк! Одной мне тебя не опрокинуть, — продолжаю я возражать со слабой улыбкой. — Чтобы поставить тебе подножку, мне бы пришлось схитрить. Например, залезть к тебе в шкаф и неожиданно выпрыгнуть оттуда в темноте. Ты открываешь дверцу — а там я, прячусь в страшной маске среди твоих модных рубашек. — Я улыбаюсь, игнорируя боль. — Какой маски ты бы сильнее всего испугался? Фредди Крюгера? Майкла Майерса?

Он грустно усмехается.

— Меня пугают акулы. Ужас, какие у них зубы! Когда я в детстве смотрел «Челюсти», меня от страха выворачивало.

— Берегись, скоро я за тобой приду, — говорю я.

— Сперва тебе придется проникнуть ко мне в пентхаус. С частным лифтом это проблематично.

— Не стоит недооценивать упорство южанки, преследующей свою цель, — предупреждаю я его со смехом.

Я знаю, где он живет. Никогда там не была, и все же...

Он выпрямляется и снова богатырски возвышается надо мной.

— Мгновенное выздоровление! Тебе полезно падать на четвереньки. Знаю, я всегда так действую на женщин.

Я так закатываю глаза, что становится больно. Не помню, упоминала ли я его нахальство.

— Правда, из этого правила есть одно исключение — ты, — оговаривается он. — Тебя ничего не смутит.

Ну-ка, ну-ка... Что такое он говорит?

Я напрягаюсь, пытаюсь расшифровать услышанное. Кажется, до меня дошло: он причислил меня к

той же категории, что и все остальные. Мне должно быть все равно, но почему-то мне больно это слышать.

Я нервно сглатываю.

— Точно, это обо мне. Меня ничто не смутит: холодна, как лед.

Он недоуменно морщит лоб.

— Подожди, я совсем другое имел в виду...

— Не надо, я все поняла. Лишена эмоций, практически робот. Непробиваема. Забывчива. Невосприимчива к мужской сексуальности.

Он склоняет набок голову и складывает губы трубочкой, как будто погружается в раздумья, потом сует руки в карманы джинсов — так он показывает, что ему не по себе. Уж я-то знаю — в наблюдательности мне не откажешь.

— Таких мыслей у меня не было. Я хотел сказать совсем другое: что ты не такая, как другие девушки... Ладно, проехали, — он открывает рот, закрывает, ничего не добавив, потом все же произносит: — По-твоему, я сексуальный?

— Ну, знаешь ли... Нет.

На его лице ничего не прочесть.

— Тем лучше.

— Для меня ты староват.

Он фыркает, я не могу удержаться от улыбки, видя его удивление. Все-таки мне удалось задеть его за живое.

— Мне двадцать восемь, а ты что думала? Четыре года разницы — разве это много? — он ерошит себе волосы, но это не делает их менее сексуальными: в темно-шоколадной копне по-прежнему мерцают синие огоньки. Черт бы его подрал, он красавчик, как ни старается это скрыть.

Я заставляю себя безразлично пожать плечами.

— Возраст неважен, главное — быть *моим* человеком. Требований три: учебники, твид, застенчивость. А теперь полюбуйся на себя: от тебя за милую разит рок-звездой.

И, конечно, губы. Я бы целую книгу посвятила его губам нежно-розового цвета, роскошному контрасту между ртом и суровыми скулами, пухлой нижней губке, глубокой V-образной выемке на верхней.

— Умница! Держись подальше от таких, как я, красотка, — он ослепляет меня своей фирменной улыбкой. Мы с ним, без сомнения, друзья. «Красотками» он кличет всех, включая мою мать и тетю Клару.

— Ммм... — я неуверенно киваю.

— Ковбой — твой кавалер? Он остался где-то там, когда я повел тебя сюда. Могу за ним послать.

Он делает шаг от меня, как будто и впрямь готов отправить кого-нибудь за Родео. Я издаю стон.

— Только не это! Я больше не смогу провести с ним ни одной минуты.

Он опускается рядом со мной на корточки. Теперь расстояние между нами гораздо меньше, чем в прошлый раз. От него так и пышет напряжением.

— Он позволил себе что-то неподобающее?

Я кусаю губы, опускаю глаза, купаясь в искренности его хриплого голоса. Ах, Девон, Девон... Внешне он, может, и заносчивая суперзвезда, так надо для его команды «Нэшвиллские Тигры», но под этой оболочкой бьется доброе сердце, и, когда он говорит мне приятные вещи, внутреннее чувство подсказывает мне, что дело тут не в том, что я особенная. Он пришел бы на выручку любой девушке.

— Просто он... — козел он, и дело с концом! Я познакомилась с ним на приложении для знакомств.

Решила, что, раз он любит страусов эму, у нас есть тема для беседы, — я поднимаю на него глаза, пытаюсь донести до него свою логику, но он пока что только хмурится. — А он взял и потянулся к моему ожерелью. Никому нельзя касаться бабушкиного жемчуга! — Я трогаю нитку жемчуга у себя на шее, приподнимаю ее, провожу по ней губами.

— Что еще он натворил? — грубовато спрашивает он, переводя взгляд с ожерелья на мои губы. Как жаль, что на них нет помады!

Я поправляю пакет со льдом, морозящий мне щеку, стараясь унять разошедшееся сердцебиение. Вдруг ему слышно, как отчаянно колотится мое сердечко?

— Он заговорил о «перевернутой ковбойше». Кому-нибудь другому, может, и можно, но только не ему...

Опа! В Девоне есть что-то такое, что развязывает мне язык. Или все дело в виски? Не важно. Главное, речь шла о не вполне приличной позе. Для нее женщине нужны сильные ноги. Я почти ежедневно бегаю и, может, смогла бы так повисеть... Где бы располагались при этом мои руки? Сзади, на его бедрах, или впереди, для равновесия? Так или иначе, я бы не смотрела на партнера, так что обойдемся без намеков! Свободные руки — инструменты наслаждения. Решено, «перевернутая ковбойша» — лучший вариант, приоритетный выбор Жизель!

— Что-то ты раскраснелась, Жизель. Ты хорошо себя чувствуешь?

Я откашливаюсь, гоня прочь скабрзные картины.

— Здесь жарковато.

— Ну, такними пиджак, — советует он. — Я потею от одного взгляда на тебя.

Тогда я откладываю пакет со льдом, расстегиваю блейзер, снимаю и кладу на столик. И только теперь замечаю, до чего влажна моя шелковая блузка. Она выразительно облепила мой маленький бюстгальтер, но есть и хорошая новость: теперь я наслаждаюсь прохладой. Я расстегиваю три верхние пуговицы, развожу в стороны эфемерные отвороты.

— Так гораздо лучше! — Я со стоном вынимаю из волос маленькие металлические заколки и выкладываю их на столике аккуратным рядом. Массирую себе голову, с наслаждением распутываю свалевшиеся космы. — Теперь еще позвать бы Криса Хемсворта, чтобы ноги мне помассировал, и день можно будет считать сносным, — я скидываю надоевшие туфли, шевелю пальцами.

— Разве он не женат? — бормочет Девон. Я поднимаю голову (раньше я давала ей отдых, запрокинув на подголовник кресла) и внимательно смотрю на него. Он отступил на шаг назад и трет себе затылок. Встретившись со мной глазами, он отводит взгляд от моей блузки.

— Разве что в другой вселенной, — рассеянно бросаю я. — Как-нибудь в другой раз я поделюсь с тобой своими соображениями о множественности вселенных. В одной из них голливудский актер вполне может быть моим мужем, и у нас с ним десяток детей...

— Час от часу не легче! — он смеется, и я таю.

— Во вселенной «Жизель и Крис» он не в силах от меня отлипнуть, и мы размножаемся, как кролики на виагре. И, кстати, никакая он не кинозвезда, он архитектор, мы с ним обитаем в построенной им для меня вилле во французских Альпах. Я дни напролет изучаю темную материю, пеку печенье и вяжу детскую одежду. Что до моих ночей, то они полностью посвящены ему.

Он кривит губы.

— А где в этой вселенной располагаюсь я?

Я подпираю рукой подбородок.

— Ты — молоденькая девушка, работаешь в кафе *Cinnabon*, обожаешь магические браслеты, жвачку и розовые береты. По выходным в тебе берет верх твое тайное нутро, и ты вылезаешь из спальни через окно, чтобы малевать на рекламных щитах исполненные тайного смысла граффити.

Он реагирует улыбкой до ушей, очень идущей к его пухлым губам. Эффект сногшибательный: у меня перехватывает дыхание.

— Вот это воображение, зайка! Я потрясен.

Я краснею.

— Моя хаотичность сводит с ума моих близких, — помолчав, я выпаливаю: — Никак не решу, какое у тебя будет прозвище: Корица или Розочка. Твои предложения?

— Оба не подходят. Я откликаюсь только на Отморозка.

— Тогда, может, Зануда?

Девон пристально на меня смотрит.

— Вернемся к знакомству по Интернету. Моя кузина Селена однажды рискнула и еле сбежала из машины своего нового знакомого. Рискованное дело!

Я вздыхаю, уже скучая по нашей безответственной болтовне. Знал бы он об особенностях еще одной моей вселенной: в ней он ублажает меня на раковине в ванной. *Он самый* — до чертиков сексуальный, с обнаженными надувшимися мышцами. Я при этом — просто девчонка, подобранная им на обочине, беглянка, спасавшаяся от грубияна-жениха. На мне замызганное подвенечное платье, волосы у меня длиннющие и почему-то розовые, на носу очки — это

обязательно, в любой вселенной я должна выглядеть умницей. С того момента, как я прыгнула в его «Мазерати», он изнывает от вожделения; привезя меня к себе, он делает меня своей. Внутренне я себя корю. Неудивительно, что у меня не все ладно с учебой: я слишком отдаюсь мечтам, факты — не моя епархия. А факты — упрямая вещь: нет такой вселенной, где мы с Девонем были бы вместе.

Скорее всего, источник моего бурного воображения — чертова девственность. Эта мысль преследует меня уже пять месяцев, с тех пор как Престон бросил на прощание: *«На что ты надеешься, Жизель? Ты же фригидная!»*

Я пробыла его невестой почти месяц, но так и не смогла... его захотеть. Просто сначала согласилась с ним встречаться, а потом приняла его предложение пожениться.

С тех пор я силюсь доказать себе, что я нормальная, для чего ищу любви в неподобающих местах. Звучит как строка из песенки в стиле кантри.

— То, что на тебе гроздьями виснут женщины, не значит, что для обычного человека это так же просто. Я позаботилась о том, чтобы прийти не одна, но не планировала с ним уйти. У меня был план. У меня каждый раз есть план.

Он делает шаг ко мне, на его лице написано возмущение.

— Ты часто так поступаешь?

Я хмурю брови, меня раздражает недоверие в его тоне.

— Первый, Альберт, был красавчик-бухгалтер. Мы познакомились в «Старбаксе». Все бы ничего, но он взял и показал мне на телефоне фото свой бывшей и заплакал. Похоже, она хотела, чтобы он надел

колечко ей на пальчик, и ему трудно изменить своему чувству долга. Я посоветовала ему с ней потолковать.

— Сколько еще их было, Жизель?

Я поворачиваюсь в кресле.

— С тобой я чувствую себя, как ученица в кабинете директора.

— Сколько?

Я сжимаю кулак. Вот надоедливый!

— Не пойму, зачем тебе это знать. Ладно, всего один, симпатяга Барри. Он написал о себе, что специализируется в области химии, вот я и подумала: «Он привержен науке, совсем как я». Оказалось, что он хочет заманить меня в «пирамиду» по продаже кухонь, но меня голыми руками не возьмешь. Я прикинулась его коллегой по продажам и в конце концов приобрела у него кухонную лопатку, — я вздыхаю. — Пришлось даже заплатить за его латте. А потом возник Родео с его милейшим эму...

— Жизель!.. — в его голосе хорошо различимо отчаяние, что заставляет меня воинственно задрать подбородок.

— Ничего не поделаешь, то и дело приходится наткаться на откровенный брак. Только не прикидывайся, что ты в этом разбираешься, Девон. У тебя что ни месяц, то новая подружка. Сегодня ты здесь тоже не один. Почему ты не представил меня своей спутнице?

Он утомленно вздыхает во всю свою богатырскую грудную клетку.

— Кого ты с собой привела?

— У нас что, вечер вопросов?

Он улыбается так, словно заранее знает, что будет дальше.

— Знаю, ты не можешь не ответить. Елена рассказывала мне про твою проблему с вопросами.

— Вот чертовка!

Моя сестра улетела проводить медовый месяц на Гавайях с мужчиной своей мечты, но у меня ощущение, что она стоит у меня за спиной. Красавица — старшая сестра, из тени которой я никак не выйду! Я горестно вздыхаю. По крайней мере, она счастлива, ведь никто не заслужил этого так, как она. Перед ее встречей с Джеком в прошлом году я разрушила наши отношения: Престон — тогда он был *ее* парнем — поцеловал меня на работе в тот кошмарный день, как раз перед ее появлением. Стоит ли удивляться, что у нас с ним все пошло через пень-колоду? Нелепое начало предопределило конец.

От избытка чувств у меня сводит горло. Я встряхиваюсь, прогоняя дурные воспоминания. Для этого требуется немалое усилие.

— Меня доставил Тофер, — отвечаю я ворчливым тоном. — Я оставила свою машину в автомастерской в Дейзи и подошла к библиотеке, когда он как раз запер дверь. Он привез меня в Нэшвилл и настоял на том, чтобы проводить меня сюда. Я ведь еще никогда ни с кем не знакоилась в баре.

Девон интересуется, что с моей машиной, я объясняю, что это «Камри» старой модификации и что этим утром она отказалась заводиться.

— Все эти твои свидания — попытки забыть Престона? — осторожно спрашивает он, садясь напротив меня.

— Лучший способ кого-то забыть — найти кого-нибудь еще.

Мы оба молчим, воздух вокруг нас так насыщен напряжением, что вибрирует. Я стараюсь поскорее

сесть прямо и сосредоточиться. Не понимаю, почему пространство между нами до треска заряжено электричеством.

— Все правильно, — цедит Девон, скользя взглядом по моей блузке и заставляя его остановиться на моем лице. Наши взгляды скрещиваются, он смотрит в сторону, скребет себе подбородок.

— Кто-то из твоих друзей должен тебя с кем-нибудь познакомить...

— Вот-вот. Ты, например. Ты же мне друг?

Он хмурится.

— А как же! Могла бы не спрашивать.

Даже не знаю, почему я не могу перестать думать о тебе. Угораздило же тебя бросить на меня на свадьбе сестры взгляд пятого уровня! Вдруг дело было в моем уродливом платье? Или все-таки во мне самой?

— Вот и славно. Кого бы ты предложил мне в кавалеры? Учти, это должен быть добряк и мастер постельного дела. Даже не мастер — отличник! Не обращай внимания, Девон, иногда я несу возмутительную чушь!

Он встает и уходит.

— Кажется, кто-то вызывал *отличника*? Я явился на зов! — говорит Эйден, вырастая передо мной. В нем шесть футов два дюйма роста, он коротко стриженный шатен с мерцающими, как лед, голубыми глазами, сельский парень из Алабамы с улыбкой на много мегаватт, повергающей в трепет женские сердца. В команде «Тигров» он сейчас запасной квотербек, метящий на место Джека.

Плюхнувшись в кресло Девона, он подает мне стакан воды — это Девон велел ему принести мне воду.

— Между прочим, у меня тончайший слух. Я же квотербек, от меня требуются сверхчеловеческие способности. Можешь уточнить, сколько тебе нужно ор-

газмов? Я обеспечиваю пяток в день, могу предоставить свои рекомендации.

Меня разбирает смех, его тоже. Он примерно мой ровесник, и я еще ни разу не видела его без улыбки на лице и без девушки. На свадьбу моей сестры он появился сразу с двумя, вроде бы близняшками, и танцевал сразу с обеими медленный танец: одна находилась перед ним, обхватив его за шею, другая сзади — обняв за талию. У них получалось лучше, чем можно было ожидать.

— Решил меня рассмешить? — спрашиваю я. Он смахивает на милого непослушного щенка, днем умильно просящего бросить ему мячик, а ночью сворачивающегося калачиком у тебя под боком.

То ли дело Девон: он — тигр среди «Тигров». То делает вид, что нежится на солнышке, подергивая хвостом, то весь вибрирует от едва сдерживаемой мощи. Сейчас, при виде Эйдена, он скалит клыки.

Что у него на уме?

В моем присутствии эти футболисты вечно перебрасываются шуточками.

Эйден ждет, пока я опорожню стакан.

— Я не собирался делать тебе больно, Жизель. До меня вообще дошло, что это ты, только когда ты плюхнулась на пол.

Я кошусь на Девона, отошедшего всего на пару шагов, опершегося о стену и доставшего телефон — избражает, что выбросил меня из головы. Тем лучше.

— Я тоже не знала, что это ты, — отвечаю я Эйдену той же монетой.

Эйден придвигается ближе.

— Ну и молодчина. Между прочим, твой кавалер удалился с какой-то брюнеткой. Надеюсь, между вами нет ничего серьезного.

— Видать, нашел себе кобылку, чтобы ускакать на ней домой, — отвечаю я со смехом.

Он хохочет во все горло.

— Чтобы меня приманить, он обещал дать поиграть с его уздечками и шпорами. Хотя бы так, а то я уже боялась, что он упомянет кнут.

Эйден покатывается со смеху, когда я, докладывая о своем прерванном свидании, припоминаю слова Родео о данном ему свыше таланте и его предложение «секса после ссоры». Не забываю просьбу о блинчиках с голубикой. Когда я замолкаю, он смахивает слезу.

— Освежающий душ!

— Вот и знакомься после этого в Интернете! — подает голос Девон, пряча телефон в карман джинсов.

— Ничего страшного, — бесстрашно возражаю я.

— Ты заслуживаешь лучшего.

— Я не самая лакомая женщина Нэшвилла.

— Ты недооцениваешь свою привлекательность, — гнет он свое, тараща на меня глаза.

Приятно слышать. Я облегченно перевожу дух.

Временно воцаряется тишина, Эйден бросает взгляд на Девона, опять с задумчивым видом поворачивается ко мне. Барабания пальцами по столу, он, как я вижу, принимает какое-то решение.

— Вернемся к чуши, которую ты якобы несешь. Как ты отнесешься к...

Девон отлипает от стены — он движется стремительнее, чем я ожидала, — и опускает на широкое плечо Эйдена свою тяжелую ладонь.

— Отвяжись, Алабама. Она — запретный плод.

Я приосаниваюсь. *Запретный плод?*

Так еще можно было подумать в феврале, когда я ходила в невестах, но сейчас?!

Эйден сбрасывает руку Девона и улыбается мне так широко, что мне становится страшно за его щеки — вдруг лопнут? Его слова предназначены для Девона, но смотрит он на меня, словно я — лакомый кусочек.

— Напрасно ты воображаешь, что мне есть дело до того, какие мысли шевелятся в голове у Джека Хоука. Не ему решать, с кем мне иметь дело. Как-никак я был первым, на кого положили глаз «Тигры»...

— Не задирай нос, парень, — ворчливо осаживает его Девон.

— Ни у кого, даже у капитана команды, нет права диктовать мне, с кем общаться, — настаивает Эйден. — Ладно бы он был рядом, а так... Мы хоть тренируемся, а он нежится на пляже.

— Учти, дурачок, он вернется и накомстыляет тебе по шее хоть здоровой, хоть травмированной рукой, — грозит ему Девон. — Да я и сам могу. Необязательно ждать его.

Не знала, что спортсмены такие задиры. Вот что делает избыток тестостерона!

Впрочем, мгновение — и перебранка заканчивается, а парни опрокидывают по кружке пива.

— Можно поподробнее о том, с какой стати Джек объявил меня неприкасаемой? — обращаюсь я как можно спокойнее к Эйдену, тщательно скрывая нарастающий гнев.

Он обезоруживающе улыбается. С виду он деревенщина-очаровашка, но на самом деле скользкий, как уж.

— Да ладно тебе, не огорчайся! Ну, напутствовал Джек команду. «Руки прочь, — говорит, — от сестры Елены, не то вам не поздоровится, когда я вернусь».

Я быстро множу два на два. Не сомневаюсь, что Елена сообщила Джеку о моей девственности; при-

бавить к этому несостоявшуюся помолвку — и становится понятно стремление Джека меня защитить. Трудно не быть ему признательной. Но как насчет моей *фригидности*?

Господи, вдруг он разболтал о моей девственности всей команде? Только не это! Он же так не поступил бы? Если он позволил себе такое, я его... я его... У меня перехватывает дыхание. Я трясую головой и отвергаю жуткое предположение. Не надо делать поспешных выводов.

— Я большая девочка, Эйден. Доверься своему инстинкту. Разве не так поступают все знаменитые футболисты? — Я часто моргаю.

Эйден удивленно смотрит на меня, удивление сменяется инстинктивным желанием произвести впечатление. Я улыбаюсь: пусть он чокнутый, зато умеет соблазнять.

— Эйден!.. — предостерегающе произносит Девон.

— Что? — откликается тот, не сводя с меня жаркого взгляда.

— Прекращай! Решил молча ее затрахать?

— Заткнись, Дев. Как умею, так и смотрю. Мы с ней хорошо понимаем друг друга.

— Так уж понимаем? — сухо спрашиваю я.

Эйден даже не думает отводить взгляд.

— А то нет!

Девон осуждающе кряхтит. В следующую секунду его отвлекает звонок телефона.

Я стараюсь на него не смотреть. Мне даже нравится им помыкать. Я догадываюсь, что он всего лишь действует по поручению Джека; с другой стороны, от одной мысли, что целая гурьба мужчин судачит о моей личной жизни, у меня возникает желание опро-

кинуть столик; подвернется под руку футболист — и его опрокину.

Эйден хватает мой телефон, спрашивает пароль, вводит его и пишет свой номер.

— Держи! Позвони мне. Мы весело проведем Четвертое июля. — Он подмигивает. — Или посмотрим вдвоем хороший ужастик. Выбор за дамой.

— Я люблю фильмы ужасов, но предпочитаю фантастику.

Его голубые глаза сияют.

— Ммм... Фантастика плюс твоя восхитительная чушь!

— Мы с тобой думаем об одном и том же?

Мне хватает двух секунд на раздумье.

— «День независимости» с Уиллом Смитом?

— Ты все больше мне нравишься! — Он толкает меня кулаком в плечо. — Обожаю этот фильм!

У меня готов для него холодный душ. Я включаю брандспойт, смягчая эффект улыбкой.

— Понимаю, что ты задумал. Ты решил, что, заведя шашни со мной, сорвешь Джеку сезон в роли квотербека? Вижу, ты на все готов, лишь бы выбежать на поле в его футболке.

Он кривится и краснеет: сначала шея, потом лицо.

— Насчет последнего ты права. Рано или поздно я своего добьюсь.

— Не торопись, — осаживает его Девон. — Пока что главный — Джек. Через пару недель у него заживет плечо, и...

Эйден, не глядя, показывает Девону средний палец.

— Чтoб ты знала, ты мне нравишься.

У меня подлетают вверх брови. Я худая дылда с длинноватым носом. Меня устраивают мои скулы и

голубые глаза, но не устраивает манера одеваться — в подражание мамаше. Самые сексуальные вещи в моем гардеробе — ношенные джинсовые шорты и импульсивно приобретенный розовый ремень. Куда это годится для серьезной студентки выпускного курса?

— Ты да я — это что-то! — хрипит Эйден, одаривая меня самым сокрушительным, самым завораживающим взглядом из своего арсенала, означающим «поторопись ко мне в объятия, куколка!».

Девон воздевает обе руки.

— Не верю своим глазам и ушам!

— Лучше ступай разберись со своими официантами, Дев. Кажется, они сегодня не справляются.

— А как же твои близняшки со свадьбы? Не боишься их опечалить? — спрашиваю я Эйдена. На Девона мы оба не обращаем внимания.

Эйден завладевает моей рукой.

— Я уже не помню, как их звали.

Я качаю головой и со смехом высвобождаю руку.

— Я тебя обожаю, но вешай лапшу на уши кому-нибудь другому.

Эйден для большей убедительности прижимает к груди ладонь.

— Почему ты так несерьезно ко мне относишься? Когда мы познакомились, ты была не одна, а сейчас мне выпал шанс. Считай это милым знакомством. Давай скорее сбежим отсюда. — Его тон становится все серьезнее. — На следующей неделе я вступаю в торговом центре. Мой агент утверждает, что все пройдет как по маслу. Не хочу идти туда один. Ты не представляешь, как на меня бросаются женщины!

— Звучит ужасно, — невозмутимо поддакиваю я.

— Пойдешь?

— Чтобы сдерживать твоих болельщиц, норовящих забросать тебя своими трусиками в провонявшем резиной спортивном магазине? Я бы еще клюнула на вкусную еду и на каберне хорошего урожая...

— Хватит! — Девон едва сдерживается. Он не перестает переводить взгляд с меня на Эйдена и обратно, как будто измеряет расстояние между нами.

Эйден довольно откидывается в кресле.

— Ну, ты даешь! — цедит он.

— В каком смысле? — ворчливо спрашивает Девон.

Эйден шурит глаза и выпячивает губы. Ясно, что его так и подмывает нечто брякнуть.

— Выкладывай, Алабама! — требует Девон.

Я даже не пытаюсь угадать подоплеку их выразительного переглядывания. Хотя одна догадка есть: эти двое и Джек — троица друзей, однако Девон и Джек — давние друзья, а Эйден — новичок в команде и излишне честолюбив. Ему хочется блистать в роли квотербека, но на его пути стоит Джек.

— Да ладно тебе! — примирительно бормочет Эйден.

Девон складывает руки на груди.

— Ты говорил, что вечеринка у тебя дома начнется в девять. Ты уже купил пиво? Боюсь, что нет. Не пора ли?

Эйден машет рукой.

— Времени еще вагон! — Он косится на меня. — Ты ужинала?

— Еще нет.

— Так и сидишь голодная?

Не то слово! Но...

— Вообще-то, я...

— Она ужинает со мной, — перебивает меня Девон. От удивления я роняю челюсть.

— Ну-ну... — Эйден сверлит его взглядом, потом небрежно поворачивается ко мне и разочарованно качает головой. — Что ж, тогда в следующий раз, Жизель.

Девон торопит его нетерпеливым жестом.

— Я хочу «Гиннесс». Ты пьешь «Бад Лайт», Холлису подавай «Фэт Файер». Не запутаешься? Лучше поторопись.

— Вечеринка? — спрашиваю я.

Эйден пожимает плечами.

— Будем смотреть бои без правил. Боюсь, будут одни мужчины, иначе ты бы не избежала приглашения.

Он с вызовом смотрит на Девона, как будто говорит: «Попробуй мне помешать», наклоняется ко мне и целует в щеку. Потом с ухмылкой проскакивает мимо него, машет мне рукой, произносит одними губами «позвони мне» и исчезает.

Я с глупой улыбкой смотрю ему вслед. Конечно, я не стану ему звонить. Он очень забавный и умеет заворочить, но меня к нему не тянет — не то, что к *кое-кому* еще. Вот от кого я с ума схожу!

На мой телефон приходит эсэмэс от Тофера. Друг спрашивает, не нужно ли мне чего, и просит прощения за то, что оставил меня одну у стойки: ему позвонил коллега, которому срочно потребовалась помощь. Я пишу ответ, коротко объясняя, что свидание оказалось неудачным.

Это происходит в полнейшей, звенящей тишине. Я чувствую на себе цепкий взгляд Девона. Спрятав телефон, я встаю и так же пристально смотрю на него.

Мысленно я считаю секунды, на шестой секунде он сдается и переключается на кого-то у меня за плечом.

— Какой еще ужин? Не надо мной манипулировать. Я сама справлюсь с Эйденом. Снаружи меня ждет Тофер, я поеду.

— Поезжай.

Оказывается, про ужин он говорил несерьезно. Я сжимаю кулаки.

Он вздыхает.

— Жизель, если тебе нужен кто-нибудь, чтобы обсудить знакомства... — Он с трудом подбирает и выдавливает слова, гримасничает, подается ко мне всем мускулистым телом, но на полпути замирает, как будто не хочет оказаться слишком близко. — Послушай! Не мое дело вмешиваться, но Эйден — не тот, с кем тебе стоило бы... — От смущения он скребет щетину на щеке.

Я бы даже его пожалела, если бы не была так рассержена. Ясно, как день, что бедняга не знает, как со мной поступить.

— Ему нравится злить Джека. Но у девушки свои потребности, Девон.

Он силится еще что-то сказать:

— Жизель...

Я прерываю его:

— Спасибо за лед и за то, что спас меня от Родео. Но больше не надо меня учить, с кем и где мне встречаться. Я взрослая женщина.

— Подожди минутку, — произносит он, когда я пытаюсь пройти мимо него. Девон хватается меня за локоть, и я вся дрожу от охватившего мою руку пламени. Дурацкая конечность, отрубить ее, что ли? Почему она так на него реагирует?

— Жизель. — Он смотрит на мои губы.

То, как он произносит мое имя — хрипло, со скрежетом, — останавливает меня на бегу. У меня перехватывает дыхание.

— Знаю, ты женщина... — Он опять ищет слова, потом спохватывается, что держит меня за локоть,

разжимает пальцы, делает шаг назад и тяжело вздыхает. — Прости.

До чего странное поведение! Сначала на свадьбе сестры, теперь здесь.

Я так взволнована, что слышу свои следующие слова как будто со стороны.

— Джек объяснил, почему назвал меня «запретным плодом»?

— Теперь он твой зять и считает своим долгом тебя защищать. Он нам не доверяет. — Он медлит. — Не сердись на него.

— Я сама решу, сердиться или нет. Значит, это все, что он сказал *лично* обо мне?

Он замыкается, весь деревенеет, прячет руки в карманы.

— Девон?

Он опускает свои зеленые глаза.

— Послушай, мы можем поговорить позже? У меня был тяжелый день, сейчас мне уже пора идти.

Ему не терпится смыться.

Меня оглушает биение собственного сердца, в голове мутно. Ну и что с того, что я девственница? Чего тут стесняться? Вон сколько их вокруг! Главное, что я *сексуальная*. Я запросто могу представить сцену сближения между рослым и до ужаса сексуальным инопланетным воином и его земной избраницей, да так, что мурашки по коже побегут, но при этом никуда не деться от мысли, что сама я, возможно...

— Никакая я не фригидная, — бормочу я.

Он замирает как вкопанный.

— При чем тут это? Если я что-то сболтнул, то это было несерьезно. Ты неправильно поняла...

— Я девственница!

Каждая секунда его потрясенного молчания и поедания меня глазами насыщена осязаемым напряжением. Он делает хриплый вдох и бранится — для меня нескончаемо долго.

— Выметайтесь, все! — кричит Девон, обращаясь к немногочисленным посетителям VIP-зоны. При виде его разгневанного лица все они хватают свои стаканы и послушно покидают помещение.

Я наблюдаю за происходящим, затаив дыхание.

— Он тебя предупредил, да? — спрашиваю я шепотом.

— Жизель...

— Я задала вопрос. Изволь ответить. Таково правило вежливости. — Непроизвольно сжимая пальцы, я жду ответа. Ожидание грозит превратиться в вечность.

Он вытирает рот и проклянувшуюся щетину на подбородке.

— Да.

3

Девон

.....

*М*изель Райли сама навредила своей репутации. Девяносто девять процентов времени она — сама чопорность и безупречность с головы до пят. Мерзавец Престон поступил с ней отвратительно, но она не сказала о нем ни одного дурного слова. Ни разу не слышал от нее бранного словечка, а появиться без укладки для нее, кажется, невозможно.

Но сейчас по ее лопаткам струятся, сверкая, рыже-вато-золотистые пряди волос — как раз такие мужички и хочется намотать на руку.

Неудивительно, что я не в силах оторвать от нее глаз.

Кто передо мной?

Щеки горят, серебристо-голубые глаза стреляют туда-сюда, она скинула туфли и переминается с ноги на ногу. Подняв на лоб очки, Жизель разворачивается и приближается ко мне. Девушка часто дышит, ее влажная блузка приковывает мой взгляд: видно, как соски приподнимают кружево бюстгальтера. Грудь у нее небольшая, но что с того? Я все равно смотрю на

нее во все глаза и прикусываю язык, едва не предложив ей надеть пиджак от греха подальше. Не хочу заслужить затрещину.

А вообще-то я не прочь схлопотать от нее пощечину. Лучше так, чем и дальше по-идиотски на нее тарашиться.

Джек устроит мне выговор, когда узнает, что я дал волю языку. Но мне до лампочки! Пока у него медовый месяц, я здесь вожусь с его не вполне нормальной семейкой. Это тоже нужно учитывать.

— Так я и знала! — говорит она. — Сначала ты от меня отмахиваешься, потом начинаешь причислять меня к скучным и даже чокнутым особам. Когда Джек вернется с Гавайев, я его удушю! — Она изображает, как перекрывает кому-то кислород. — Надеюсь, акула отхватит ему бросковую руку.

Вон до чего договорилась!

— Никогда не считал тебя чокнутой! — Почему я срываюсь на крик? — И ты наименее скучная из всех, кого я знаю.

Ее глаза сверкают, как молнии в грозу.

— Отлично представляю эту картину: раздевалка, он снимает с вас, своей команды, стружку и заодно несет какую-то чушь о бедной невинной Жизель, которая еще никогда... — Ее пухлая нижняя губка дрожит с полсекунды, прежде чем она берет себя в руки и выпрямляется. — Так нельзя. Это переход на личности.

Я развожу руками.

— Мало кто это знает. Об этом обстоятельстве осведомлен только я.

Она напрягается.

— Только ты?

— Я же сказал.

— Ну, да, он шепнул одному тебе в уверенности, что ты растрезвонишь остальным. Ты всегда слушаешься Джека?

Я издаю стон.

— Он мне доверяет, Жизель! Я его лучший друг. Эйден, к примеру, не в курсе, так что держи язык за зубами в его присутствии. Если бы он знал правду... — Мне досадно оттого, что мне трудно представить, на что горазд этот непредсказуемый тип. — Если бы он знал, то, конечно, обходил бы тебя за милую. — Хорошо бы было так! — Надо будет серьезно с ним потолковать. — И от души надрать ему уши.

Ее личико заливают краской.

— Хочешь его предостеречь? Лучше уж тогда размести платное объявление в газете, Девон. Или напиши в своем Инстаграме. — Она привстает на цыпочках, чтобы быть со мной вровень, что нетрудно: она высокая и гибкая. По тому, как бурно вздымается ее грудь, видно, что она в гневе. В меня упирается стальной взгляд, пухлые губы выпячены, указательный палец тычет меня в солнечное сплетение. От нее хорошо пахнет: это не тяжелый цветочный запах, а что-то легкое, свежее, как будто прошел легкий весенний дождик. Как я раньше не замечал, какая у нее чудесная кожа — цвета персиков со сливками, светящаяся...

Я встряхиваюсь, чтобы лучше усвоить ее слова.

— Ничего я ему не скажу, боже упаси! Это не мое дело. Я о чем... — Почему она так сбивает меня с толку? Вечно в ее присутствии я сам не свой. Уж слишком она умная, слишком... содержательная.

У меня опять звонит телефон, но я не могу пошевелиться. Все мое внимание поглощено этой сумасшедшей. Она опять тычет мне пальцем в грудь. Я хватаю ее за палец и притягиваю к себе.

— Хочешь меня рассмешить? — Я приподнимаю бровь, моя цель — охладить ее гнев.

Она моргает, как будто сообразив, что оказалась слишком близко ко мне, облизывает губы.

— Нет.

Я чувствую натиск ее груди. Напрасно я считал ее мягкой... Погоди, о чем я?

— Я никому не скажу. И учти, здесь совершенно нечего стыдиться. Чудесно, что ты себя бережешь...

Она не дает мне договорить, ее голос превращается в шипение.

— Оставь свой покровительственный тон. Ты ничего не знаешь о причинах.

— Я не нарочно.

Жизель наконец отстраняется и опять принимает-ся расхаживать туда-обратно.

— Я уже жалею, что он мне сказал, — говорю я ей в спину.

На самом деле мне было полезно узнать от Джека об этом. Когда мы с ней познакомились, она была помолвлена, но с тех пор грязное воображение не раз подсовывало мне разные картины с ней в главной роли. Я — мужчина, этим все сказано. Увидев раз, ее невозможно забыть. Сам не замечаешь, как, встав под душ, начинаешь фантазировать о ней — в очках, в жемчуге, на каблуках, и это весь ее наряд...

Я трясую головой, прогоняя неподобающие мысли. Это сродни богохульству, она же друг, до нее нельзя дотрагиваться. Между нами проведена жирная черта.

Она с усмешкой на пухлых губах возвращается ко мне. Эта картинка отпечатывается в моем мозгу, как стоп-кадр: вздымающаяся грудь, лицо в форме сердечка, плохо маскируемый юбкой широкий шаг. Она

изящна и стремительна, не иначе, училась манерам и движениям на специальных курсах этикета.

Одним словом, она — леди. Хорошенькое дело!

Я на ее фоне — плохой парень. Хуже не придумаешь.

Говоря, что у меня что ни месяц новая девушка, она была недалеко от истины. Женщины слетаются на меня, как мухи на мед, их притягивает моя слава, поэтому я могу быть разборчивым. Когда все кончается, я отпускаю их счастливыми и улыбающимися.

— Тебе не придется долго мучиться, храня мою тайну. Я намерена без промедления избавиться от своего изъяна.

Я тут же представляю себе Жизель в обществе, так сказать, субъекта, на котором пробу негде ставить. Меня охватывает беспричинный гнев, мышцы рук напрягаются. Я уже готов открутить паршивцу башку.

— Объясни.

Девушка вызывающе смотрит на меня и, готов поклясться, уже считает секунды.

— Я бы нарисовала тебе эту картину, но я не художница. Вообрази: шелка с перемычкой, в ней кое-что оказывается, шелк — и перемычка порвана. Готово, никто уже не обсуждает меня *за моей спиной*.

Выпалив эту тираду, она торопится к двери. Обтянутые узкой юбкой с высоким разрезом ягодицы призывно колышутся. Обычно она носит скромные брючки, а в эту юбку нарядилась ради свидания, что дополнительно меня бесит. Происходившее здесь было бессмыслицей с той секунды, как она распустила волосы, растегнула пуговики на блузке и вспылила. Лучше бы она оставалась прежней Жизель...

Она оглядывается, теперь ее губы плотно сжаты, объект ее гнева — я.

— Никогда больше не назову тебя на «доске» в моем Pinterest Вареком!

— Не знаю, о чем ты! — кричу я ей вслед.

Она молча вылетает за дверь. Черт бы ее побрал, в таком состоянии с нее станется подцепить какого-нибудь случайного ковбоя и спешно проделать обещанное с его помощью.

Я бранюсь себе под нос.

— Подожди, Жизель! Давай обсудим! Ты забыла туфли и эти свои... — Я хватаю ее туфли и заколки и бегу за ней. Она опередила меня на целый десяток ярдов и теперь лавирует среди посетителей, описывая замысловатые петли, минует вышибалу. Двери распахиваются — и она исчезает.

Хорошо хотя бы то, что она покинула клуб. Доберется до дому и успокоится. Позвоню ей завтра, мы поговорим, и все обойдется. С другой стороны, мне очень не хочется, чтоб она провела всю ночь в расстроенных чувствах. Раньше я действительно собирался при случае пригласить ее поужинать. Обвести во-круг пальца Эйдлена — милое дело, но почему бы нам не приземлиться в «Милано»? Она бы села напротив меня, объяснила бы, чем вызвано ее решение прибегнуть к интернет-знакомству; я бы продемонстрировал свое умение вести себя прилично. Я бы мог много чего ей посоветовать... Одно ясно: все, кого она называет, никуда не годятся. В последнее время она растеряна, выглядит подранком, поэтому... Я бегу к выходу, полный решимости ее догнать и заставить объясниться.

— Девон! Подожди!

Чувствую на своем плече чью-то руку. Я чертыхаюсь и останавливаюсь. Тон Селены не предвещает ничего хорошего.

— Я спешу. В чем дело?

У нее измученный вид, она съела почти всю помаду с губ. Мы с ней почти одногодки и довольно похожи. Она тоже темноволосая, тоже зеленоглазая, тоже рассерженная. Наши матери — сестры, мы росли по соседству. Я поселил ее здесь год назад, когда она приехала из Калифорнии.

— Чьи это туфельки? — она указывает на туфли Жизель у меня в руках. — Если у тебя проснулся интерес к женской обуви, я могу подсказать тебе несколько магазинчиков в центре города.

— Жизель, девушки, которая здесь упала, видела? Она сбежала. — Я разрываюсь между желанием догнать Жизель и чувством долга перед Селеной.

— Я уже ей симпатизирую. Одобряю твой выбор.

— Она — друг, сестра Елены. Ты еще с ней не встречалась.

— Я обратила на нее внимание. Парень при ней был козел козлом, а она мне приглянулась.

— А мне нет. — Я предпочитаю испытывать к женщине умеренный интерес, чтобы своим чередом забыть ее. Жизель принадлежит к другой категории.

Селена вздыхает.

— Какая-то паршивка однажды разбила тебе сердце, с тех пор ты циник. Мне бы хотелось нянчить племянника или племянницу. Куда бы Ханна ни подевалась, очень надеюсь, что ей худо без тебя.

Опять она за свое!

— Хватит об этом. Что у тебя за проблема? — Я в нетерпении похлопываю себя по бедрам.

Она кривит губы.

— Вторая официантка так и не явилась, вентиляция не работает, а так все в шоколаде. Придется нанимать новых барменов. Специалист по вентиляции придет утром.

— Как я погляжу, все под контролем. — Я стараюсь не вникать во внутренние проблемы клуба. Я приобрел его как вложение средств. Абсолютный приоритет для меня — футбол. — Еще что-нибудь? — Хочу сосредоточиться на ее словах, но могу думать только о том, не обожжет ли Жизель ступни о раскаленный асфальт и нашла ли она уже Тофера; еще меня не отпускает недоумение. Чем вызваны повторяющиеся звонки отца? Я бы ответил ему раньше, но не мог себе позволить перестать наблюдать за Эйденом. Джек четко распорядился не подпускать его к Жизель. Именно поэтому я и вмешался.

— После ухода Ренди ты разрешил мне нанять кого-нибудь другого. Но кого бы я ни интервьюировала, никто не подходил. Обязательно нужен человек, иначе это место утратит популярность. — Селена держит поднос и, выжидаяще на меня глядя, подпирает его бедром.

Я решаю проблему за три секунды.

— Теперь старший менеджер — ты. Надо было тебя назначить сразу после его увольнения. Найми вместо себя бармена. Вопрос снят.

Она радостно и гордо сверкает глазами.

— Ничего не выйдет. Весь клуб я не потяну. У меня даже нет диплома по бизнесу!

— Ты умная, работающая, тебя все уважают. Действуй! Хватит, возвращайся к работе.

Я уже намерен продолжить преследование Жизель на парковке, но Селена прыгает мне на шею и крепко обнимает. Поднос падает на пол, она болтает ногами в воздухе. Я хлопаю ее по спине.

— Да, вот такая между нами любовь...

— Даже не знаю, что бы я делала, если бы ты не устроил меня сюда. А ты уже меня повышаешь...

Я что, выиграла в лотерее? — Она чмокает меня в щеку. — Какая теперь у меня зарплата?

Жизель уже, наверное, далеко. Я вздыхаю.

— Что ты сама предлагаешь?

— Столько же, сколько получал Ренди, плюс десять процентов.

— Плюс два. У Ренди был опыт. Он заправлял в трех других местах, прежде чем наняться сюда.

Она кусает губу.

— Плюс пять, и я еще сегодня нанимаю новых официантов и нахожу лучшего во всем Нэшвилле старшего бармена. Сам знаешь, я могу.

Я ухмыляюсь. Она действительно незаменимый работник.

— Три процента прибавки, и ступай уже.

Она смеется, делает пируэт и бежит к стойке.

Снова звонит мой сотовый. Я зажимаю туфли Жизель под мышкой и достаю телефон из кармана. Нажимаю зеленую кнопку, надеясь услышать голос отца. Но это не он.

* * *

— Как только ты там появишься, все сразу начнут тебя снимать. Люди обожают драмы, особенно в жизни знаменитостей. Все твои дела будут рассматривать под микроскопом, — говорит Лоренс, когда мы вылезаем из машины.

— Знаю, — отвечаю я. С самого колледжа я нахожусь в свете рампы, просто Лоренс — неукротимый болтун.

— Лучше бы ты не заезжал в этот квартал на такой тачке. Слишком заметная, привлекает воров.

Я кошусь на красную «Мазерати», мою любимицу и гордость. Управляя ей, я всегда вспоминаю, какой

большой путь проделал после бедного детства в Калифорнии.

— У нее есть имя — «Красненькая».

— Сексуально!

Я ухмыляюсь.

— Твой костюм от Тома Форда за пять тысяч баксов тоже виден за милую. «Сюда, вытащите у меня бумажник!» — надывается он.

Он поглаживает свой галстук.

— Уже не верится, что мы с тобой и Джеком зависали здесь, когда учились в колледже. Столько энергии — и никакого похмелья! С ума сойти! С тех пор я успел состариться, развестись, стать плательщиком алиментов. Черт, как же я тоскую по тем денькам! А ты?

— А я нет. — Я не скучаю по колледжу. Однажды мы выиграли национальный чемпионат, было дело, этого я стараюсь не забывать, но к приятным воспоминаниям подмешиваются горькие — из-за Ханны.

Он вздыхает. Мы останавливаемся на Уилбур-стрит, перед баром Рикки. Отсюда всего несколько кварталов до стадиона и до моего дома.

Я натягиваю на голову капюшон толстовки, надеваю темные очки. Лоренс щурится.

— Предлагаю последний раз: я схожу за ним сам, ты посиди в машине. Никто не узнает, что вы с ним родня.

Я отмахиваюсь.

— С тобой он не пойдет. Так будет только хуже.

Мы вваливаемся в бар. Там все как обычно: липкий пол, залитые пивом стены, длинная стойка с красными табуретами, старые люстры на потолке с желтыми подтеками. Помещение распланировано

с перспективой возникновения беспорядочной пальбы: здесь целых четыре выхода. В одну дверь вошли мы, другая прячется в темном коридоре с отталкивающими уборными, за бильярдными столами, третья в кухне, четвертая — в кабинете владельца, если он себе на уме. Я тяжело вздыхаю. В местах, вроде этого, прошли мои подростковые годы: я мыл посуду, скреб полы, выносил мусор. Отец держал бар, потом разорился; остаток жизни он только и делает, что шатается между питейными заведениями, упорно попадающими на его пути.

В этом воняет потом, жирной жареной картошкой и дешевыми духами. Трое мужчин играют в бильярд, две пожилые женщины пьют пиво по соседству с музыкальным автоматом, скулящим голосом Тэмми Уайнетт, на нескольких табуретах утвердились задницы, по бару бродят неприкаянные выпивохи.

Мы подходим к стойке, не вызывая интереса ни у кого, кроме пожилого бармена. У него седая борода, очки, обтянутое рубахой брюхо и шляпа с эмблемой команды «Нэшвиллские Тигры». Он — наш болельщик; остается гадать, хорошо это или плохо.

Наклонившись к нему, я тихо спрашиваю:

— Это вы звонили насчет Гарретта Уолша?

Он отставляет стакан, который протирает, кивает и указывает на темный коридор.

— Полчаса назад он пошел в туалет и там застрял. Вы его сын?

Я с гримасой разглядываю трещины на потолке.

— Ага.

Он трясет мне руку.

— Рикки Бернс. Мне нравится, как вы бегаєте с мячиком. Я нашел в его телефоне твой номер. — Он достает из-под стойки потрескавшийся телефон. —

Он оставил его включенным, вот я и позвонил последнему, кому звонил он. Понял, что это вы, только когда увидел имя. — Он хмурится. — При всем уважении, сынок, его мы больше здесь видеть не хотим. Он распугивает спокойных клиентов и задирается. Пытался затеять драку с бильярдистами. Увижу его снова — вызову копов.

Мне тошно от его речей, но я справляюсь с собой. Сколько раз я уже такое слышал!

— Благодарю, что не вызвали полицию сегодня.

— Никаких проблем. — Он берется протирать следующий стакан.

Лоренс достает из кошелька деньги, но Рикки отводит его руку.

— Это лишнее. Просто уведите его. — Он тихо продолжает, глядя на меня исподлобья: — До вас его искали еще двое — крутые, со шрамами и татуировками. — Он смотрит на сережку в моей брови и на синих бабочек на моих кистях. — Я сказал им, что его здесь нет, но вас решил предупредить.

— Чего они хотели?

Он приподнимает бровь, как будто я не в своем уме, усмехается.

— Я не задаю вопросов, но, судя по их решительному виду, могу предположить, что дело в деньгах. Я стар, этот бар — вся моя жизнь. Мне ни к чему неприятности, понимаете?

Что здесь может быть непонятного?

— Спасибо вам.

Лоренс разглядывает посетителей.

— Не возражаете, Рикки, если мы выведем его через заднюю дверь?

— Выводите, откуда хотите. Сработает сигнализация, но я отключу ее.

Мы доходим до края стойки и углубляемся в проход, освещенный тусклой лампочкой на гнущемся шнуре. Я громко стучу в дверь мужского туалета.

— Отец, ты здесь? Открой, это я.

Я дергаю дверцу, она заперта. Меня охватывает отчаяние. Накатывают воспоминания детства: как, вернувшись домой с футбола, я находил его вырубившимся на ступеньках нашего трейлера, затаскивал внутрь и укладывал спать.

— Дай, я попробую. — Лоренс теснит меня и стучит еще сильнее.

— Вылезай из сраного сортира, не то мы вызовем долбанных копов!

— Полегче, — прошу я. Он пожимает плечами.

— Я знаю, как за это браться. Кто захватил с собой толстовку? Кто совал старикану деньги? Твое дело сторона. Я несу службу круглосуточно, семь дней в неделю. Мое любимое занятие!

— Нэшвилл от меня без ума! — Я твержу ему это всякий раз, когда он заговаривает о том, чтобы заделаться моим агентом по связям с общественностью. Мне агент ни к чему. Джек — другое дело, у него было бурное прошлое, так что Лоренс пришелся ему кстати. Мир тесен: вышло так, что наша троица вновь объединилась в одном городе. Джека пригласили играть в Нэшвилл сразу после колледжа, Лоренс вырос здесь, он открыл здесь собственную фирму для спортсменов, я играл в Джексонвилле, а потом мне повезло: несколько лет назад меня переманили в Нэшвилл. Счастливое воссоединение троих друзей!

— Гляди, что у меня есть! — Я достаю заколку Жизель и после трех неудачных попыток вскрываю замок.

— Спрашивать, откуда у тебя в кармане женская заколка?

— Не надо.

— У тебя получается лучше, чем можно было подумать, — ноет он.

— Он пил и запирал меня. Станешь тут изобретательным.

— Чтоб меня! Здесь воняет мочой. — Просовывая голову в туалет, Лоренс закрывает платком рот.

Отец лежит на спине перед раковиной, широко раскинув руки. Его грудь приподнимается и опускается, значит, он жив. Ком у меня в груди рассасывается. Последний раз я видел его месяц назад. Я кормил его ужином. Тогда он был ничего: немного беспокойный, но хотя бы трезвый.

Я отодвигаю Лоренса, наклоняюсь, трясую отца за плечо.

— Давай, просыпайся. Мы отвезем тебя домой.

Постепенно он приходит в себя, моргает, гримасничает, стонет. Мне в нос бьет запах пива.

— Где я? — хрипит он.

— В вонючем туалете. Чужом. — Теперь гримаса искажает мое лицо. Видя его таким, я вспоминаю, почему сам напился всего раз в жизни.

— У Рикки?

Я утвердительно киваю. У него заплетается язык, но вообще-то он еще не в худшем состоянии. Его опьянение бывает разным. Мне известны все степени. В этот раз он по крайней мере помнит, где был.

— Я поругался с Дотти, — бормочет он. — Я пытался тебе звонить, Дев, но ты не брал трубку. Ты на меня злишься?

Меня жжет чувство вины, что я не отвечал на его звонки.

Дотти — его подружка, они познакомились на собрании анонимных алкоголиков и с тех пор то сходятся, то расходятся.

— Пошли. — Я поднимаю его под мышки и с кряхтением сажаю на унитаз. Он раскачивается взад-вперед, скребет щетину у себя на лице. Когда-то белая рубашка с эмблемой рок-группы *Grateful Dead* вся в бурых пятнах. Мне больно видеть его засаленные волосы, темные круги под глазами, порезы на руках. Не хочется озираясь на Лоренса, наверняка осуждающе глядящего на всю эту картину, поэтому я нахожу себе занятие: смачиваю бумажные полотенца и протираю отцу руки.

— Как это случилось?

Он удивленно смотрит на высохшую кровь, щурится.

— Не помню... — Отец пытается вырвать руку, но я крепко его держу.

— Обойдется без швов, но нужна дезинфекция. — Голос у меня дрожит, я скриплю зубами. Когда мне было шестнадцать лет, он сошел с тротуара на мостовую, попал под машину и угодил в больницу с переломами обеих ног. Накануне моего отъезда из Калифорнии для игры в команде колледжа он вдрызг разругался с соседом напротив и опять слег, на этот раз со сломанным носом, двумя сломанными ребрами и сотрясением мозга. Мне пришлось на три дня опоздать в летний тренировочный лагерь — ухаживал за отцом.

— Бывало и хуже, — ворчит он, как будто читает мои мысли.

Наши глаза встречаются, его, налитые кровью, говорят о многом. Лицо у него костлявое, землистое, все в морщинах — гораздо старше его пятидесяти лет.

— Смотри, посадишь печень, — выдавливаю я. — Давно у тебя запой?

Он пытается встать, хватаясь за стену, потом трет пальцами глаза.

— К черту... плевать. — Первая попытка сделать хотя бы один шаг едва не приводит к падению.

Я ловлю его и ставлю прямо. Мы одного роста. На помощь мне приходит Лоренс, отец закидывает руки нам на плечи, и мы медленно ведем его по коридору к выходу. Моя спина под толстовкой обливается потом. Мы выбираемся на безлюдную стоянку, где я жадно ловлю ртом свежий воздух.

Вот и моя «Красненькая». Лоренс держит моего отца, я открываю машину; мы сажаем отца внутрь и пристегиваем его ремнем.

— Позвони Дотти, скажи ей, что мне жаль... — Язык цепляется за зубы, он откидывает голову на подголовник и закрывает глаза.

Нет уж, обойдемся без звонков. Его личная жизнь печально напоминает мою. Увидев его во всей красе, заглянув в выгребную яму связанной с ним ненадежности, женщины шарахаются. Я уже семь лет не показываю девушкам, какой я на самом деле. Я захлопываю дверцу и смотрю на Лоренса.

Его лицо ничего не выражает — и на том спасибо. Сочувствие сейчас вывело бы меня из себя.

— Ты делаешь это далеко не впервые, — тихо говорит он. — Черт, Девон, почему ты никогда не говорил мне, что он...

Я прерывисто вздыхаю. Джек знает почти все, но даже он ни разу не видел моего папашу в таком состоянии.

Лоренс достает телефон.

— Ладно, если я тебе понадоблюсь, всегда пожалуйста. Я вызову «Убер». Позвони мне завтра, можем поболтать.

— О чем? — Зря он считает, что надо пережевывать этот досадный эпизод.

Он поднимает на меня глаза.

— Его искали какие-то отморозки. Надо узнать, зачем он им.

— Он просто пьяница. — Мой отец — алкоголик, но я стесняюсь произносить это слово вслух.

— Сколько денег ты ему даешь в месяц, Дев? Не считая оплаты всех его счетов?

— Не твое дело. — У отца есть работа, но я все равно сую ему деньги. Отец все-таки, да и денег у меня хватает. Для Селены тоже. Кроме них, у меня никого нет.

— Так я и думал. Ты даешь слишком много, — бормочет Лоренс. Взгляд у него при этом такой, словно он силится заглянуть мне в душу. Он идет на угол, к припаркованной там черной машине. — Как ни жаль мне пропускать вечеринку у Эйдена, сегодня вечером у меня свидание с девушкой. Звони! Если я тебе понадобится, суперзвезда, то я в твоём распоряжении. — Он шлет мне воздушный поцелуй.

Я глупо ухмыляюсь, стряхивая напряжение.

— Береги себя, дубина. Спасибо за бесплатное содействие.

Он садится в машину, захлопывает дверь и уезжает.

Я залезаю в свой автомобиль.

Как я и боялся, отец тут же открывает глаза и начинает блевать.

Я достаю из бардачка мокрые салфетки, чтобы как-нибудь привести его в порядок, потом двадцать минут тащусь в восточную часть Нэшвилла, на окраину, застроенную однотипными одноэтажными домиками со скромными лужайками впереди. Я подобрал для отца этот домик, сразу как сам переехал, еще